кой земли", о которой писали Александр Солженицын и Густав Герлинг-Грудзинский. Сегодня на крови, пролитой 70 лет назад в Катыни, и в субботу под Смоленском, рождается подлинная польско-российская общность судеб» (с.3-4).

Мнение Адама Михника важно учитывать не только потому, что он всю жизнь самым активным, живым образом был вовлечен в гущу польских политических процессов. Михник очень тонко чувствует ту грань, которая отделяет идеалы демократии и свободы от политических игр и сиюминутных выгод. Его личная позиция, позволившая не перейти эту грань, проявилась в том, что, будучи избранным депутатом польского парламента в 1989 г., он в дальнейшем отказался от парламентского мандата, предпочтя не участвовать непосредственно в политике, а влиять на нее в качестве ведущего польского политического комментатора. Заметим, что такой политический выбор во многом отразил суть польской модели культуры конфликтного взаимодействия. Эта культура в полном, первоначальном, исконном смысле данного слова заключается в возможности обработки человеческой души. А для польского сознания такая обработка как прежде, так и сейчас во многом была связана со словом, была глубоко вербализирована. Именно чувство слова, нюансировка несущегося им содержания понятия отразилась в том, что книга Михника в польском и русском вариантах называется по-разному: в польском – «Ярость и стыд», в русском – «Антисоветский русофил». Если название русского издания акцентирует внимание на геополитическом коде, на геополитической ментальной карте поляков, то в польском издании отчетливо отражаются крайние позиции национальной модели культуры конфликтного взаимодействия. Однако мы прекрасно понимаем, что между этими позициями пролегает линия, где расположились многочисленные варианты политико-психологического выбора, который необходимо было делать полякам в отношениях к себе самим и своим геополитическим соседям.

Несмотря на противоречивость общественной реакции, она показала, что подлинное объединение Западной и Восточной Европы невозможно, когда по обе стороны бывшего «железного занавеса» остаются свои «скелеты в шкафу». Каким образом можно преодолеть синдром «скелета в шкафу»? Адам Михник находит такой путь в еще одной особенной черте польской модели конфликтного взаимодействия. Эта черта указывает на укорененность в ней религиозного, католического опыта. Он пишет: «Что значит Евангелие как «повелитель» разума? То же самое, что и убежденность в существовании какого-то порядка, который нельзя безнаказанно отвергнуть или релятивизировать неким набором ценностей, устанавливаемых произвольно, подобно пешкам на шахматной доске. Нельзя безнаказанно объявить, что измена является добродетелью, а милосердие – отступничеством.

В этом мире, приближающемся к опасному краю бездны коллективного безумия, нужно, скорее всего, предложить католическому епископу и светскому рационалисту двойную бухгалтерию особого рода: от себя требуй столько, сколько можешь, другим прощай столько, сколько простить в состоянии» (с. 199).

Эту двойную бухгалтерию вполне можно распространить и на все другие типы конфликтных отношений. Ее простота и одновременно сложность состоят в том, что следует понимать пределы использования собственных сил, точно так же важно понимать, что у души, готовой прощать, такие пределы редко имеют границы. Естественно, к использованию такой бухгалтерии польское общество приходит после долгих лет горького опыта пребывания в конфликтном фоне, независимо от того, какие – внутриполитические или геополитические – характеристики в нем преобладают. Можно сказать, что к близким паттернам культуры конфликтного взаимодействия пришли и другие народы Центральной и Восточной Европы, исторический опыт которых «создавал специфическую духовность, характеризующуюся самоиронией, упорным стремлением сохранить духовные ценности и смелостью веры в романтические идеалы» (с.264-265).

Людмила ТЕРНОВАЯ –
доктор исторических наук,
профессор, заместитель директора
Института политики
и деловых коммуникаций

Андрей НАРЫШКИН

Пора неоконсерватизма: реальность наступает

Неоконсерватизм как политическое направление уходит корнями в историко-философские учения начала XX в., однако до настоящего времени не имеет единого определения. «Неоконсерватор – это либерал, который схвачен за горло реальностью» – эта сентенция Ирвинга Кристола, редактора журнала Commentary, одного из главных участников борьбы с коммунизмом в США и наиболее весомой фигуры в становлении и особенно в распространении идеологии неоконсерватизма [1], пожалуй, и по сей день остается наиболее точной характеристикой политического движения неоконов (сокращенное от «неоконсерватизм»).

Андрей НАРЫШКИН – сотрудник Минэкономразвития РФ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НЕОКОНСЕРВАТИЗМА

Онтологически «неоконсерватизм» возник в качестве терминологического объяснения социологических изменений общества от сочетания греческого «neos» – новый и латинского «conservare» – «охранять».

Базой неоконсерватизма стали принципы приоритетов преемственности перед инновациями,

признание незыблемости сложившегося естественным образом порядка вещей, предустановленной свыше иерархичности и привилегированности социокультурных слоев; набор моральных принципов, которые лежат в основе таких общечеловеческих понятий, как семья, религия, собственность, т. е. все, что когда-то составляло фундамент консерватизма.

Приставка «нео» была адресована прежде всего отрицанию идеологии либерализма, которая с начала XX в. доминировала в Западной Европе и Америке. При этом основной причиной возникновения неоконсерватизма стали не социальные, а экономические изменения в системе взаимоотношений «человек–государство–общество», в частности государственно-монополистический характер производства, сложившийся в экономике западных стран после Второй мировой войны.

Отцами неоконсерватизма считаются американские представители политической идеологии и практики. Несмотря на то, что идея «революции против революции» [2] была представлена в трудах многих европейских и даже русских мыслителей, неоконсерватизм как некая система, имеющая название, впервые был сформулирован американскими представителями. В связи с этим в современной политике данную идеологию часто называют проамериканской.

Первая волна распространения неоконсерватизма была связана с критикой социально-экономической политики 36-го президента США Л. Джонсона. Либеральные идеи построения «великого общества» с безбедными и равноправными гражданами, которые он пропагандировал в период своего правления с 1963 по 1969 г., обернулись полным крахом доверия со стороны американцев. Конец карьеры Л. Джонсона ознаменовался убийством афроамериканского борца за гражданские права и лауреата премии мира Мартина Лютера Кинга, бывшего надеждой молодого поколения. Война во Вьетнаме, унесшая тысячи жизней с обеих сторон и миллионы долларов из американской казны, перечеркивала обещания свободы, благосостояния и мира, которые декларировались президентом в создаваемом «обществе всеобщего благоденствия». Л. Джонсон выступил предателем «американской мечты» прежде всего для молодого поколения Америки, для которого не совпадали идеи борьбы с бедностью в собственной стране и борьба против бедной страны на деньги налогоплательщиков. Кроме того, обострилось положение США в международной политике – согласно заявленной в 1965 г. «Доктрине Джонсона» Соединенные Штаты Америки присваивали себе право вмешиваться в суверенитет других государств, что шло вразрез с идеями равноправия. В апреле 1968 г. в 125 городах США прошла волна расовых волнений, связанных с убийством Мартина Лютера Кинга. Последующие демонстрации сотен тысяч американцев вместе с движением протеста афроамериканцев вылились во всеобщую критику социально-общественного строя и «лживого» либерализма.

Возникшая в 60-х г. XX в. контркультура дала массовый толчок леворадикальному молодежному движению. Как вспоминал И. Кристол (ставший также основателем таких неоконсервативных изданий, как «The Public Interest» и «The National Interest»), «молодежные бунты шестидесятых были направлены против либеральной профессуры, консерваторов особо никто не трогал. Либеральная профессура всегда считала себя “широко мыслящей”, но одно дело поощрять исторические, социологические и психологические исследования, которые показывают, что наша консервативная семейная структура менее универсальна и куда более “культурно ограничена”, чем думается, и совсем другое – видеть, как твои дети становятся сексуально беспорядочными, соблазняются наркотиками и культивируют идеи о самоубийстве...» [3]. Стала зарождаться новая идеология, ностальгирующая по утраченным ценностям, и у ее истоков встали левые, призывающие «поправеть».

Правление представителя от республиканской партии Р. Никсона было отмечено значительным сокращением государственных социальных субсидий, инфляцией как следствием кейнсианского пути развития экономики, резко усилившейся централизацией власти и практически полным расколом президента и Конгресса, жесточайшими бомбардировками Вьетнама и Камбоджи, а также знаменитым Уотергейтским скандалом, в ходе которого выяснилась причастность Никсона к незаконным действиям, направленным на срыв кампании демократов. Никсон был единственным президентом США, чье правление было прекращено досрочно. Естественно, что в последние годы его правления доверие электората к республиканцам было практически утрачено.

Инфляционные проблемы в стране напоминали людям о годах Великой депрессии*. Современники ратовали за возвращение в ограниченной форме к «новому курсу», взятому в 1930-1940-х гг. Ф. Рузвельтом, основанном на обоюдной зависимости роста социального благополучия трудящихся и развитии производства, – курсу, который в свое время правая пресса и консерваторы считали социалистическим. Сам Рузвельт считал, что во время Великой депрессии он спас капитализм и предотвратил социальные потрясения.

Прогрессивно мыслящее население США желало иметь четкую систему координат, которая бы определяла взаимоотношения граж-

---

* В статье Кристины Ромер о Великой депрессии в энциклопедии «Британника» указывается, что Великая депрессия началась в 1929 г. и продолжалась «примерно до 1939 года».

дан друг с другом, с обществом, государством, миром. Как ни парадоксально это звучит, но мыслить «иначе» для многих стало означать мыслить «консервативно».

В употреблении понятия «неоконсерватор» изначально не было какой-либо научной строгости. Предполагается, что впервые слово «неоконсерватизм» употребил в 1970 г. социолог и один из влиятельнейших лиц в демократической партии Америки Майкл Харрингтон для обозначения бывших «левых», которые перешли на «правые» позиции и поддерживали политику президента Р. Никсона. Харрингтон предполагал, что термин «неоконсерваторы» должен стать негативным, однако И. Кристол удачно использовал его, опубликовав совокупность собственных политических идей и воззрений во влиятельном американском журнале «The Public Interest» для названия выбранного им политического курса.

ИДЕОЛОГИЯ «С АМЕРИКАНСКОЙ КОСТОЧКОЙ»

Определить теоретические границы неоконсерватизма как политической науки достаточно сложно даже по прошествии практически полувека с момента его зарождения. Возникнув из идей несогласия с чрезмерными свободами либерализма, неоконсерватизм не отрицает эти свободы, но подводит их под систему государственного контроля. В отличие от многих классических направлений политического устройства государства, например капитализма или социализма, неоконсерватизм сначала возник благодаря экономическим преобразованиям общества, а потом уже получил некий теоретический базис.

В 1973 г. немецкий политик Ф.И. Штраус, один из лидеров баварской партии «Христианско-социальный союз», провозгласил, что быть современным консерватором означает «шагать во главе прогресса». Во второй половине 70-х г. XX в. тезис об «антитеоретическом» характере нового консервативного мышления был развенчан. Была поставлена задача идеологического перевооружения, поскольку «неидеологическая политика – это безоружная политика» [4].

Тем не менее многие исследователи неоконсерватизма считают его «своеобразным хамелеоном, поскольку его облик зависит от природы его врагов» [5]. Если проследить, как изменились основные акценты неоконсерватизма со времени окончания Второй мировой войны до наших дней, то многие неоконы-основоположники были бы удивлены современной трактовкой их идей.

В отношении идеологов неоконсерватизма до настоящего времени остается спорным вопрос, были ли они вообще. Отцами неоконсерваторов называют Лео Штрауса, американского историка политической философии. При этом он никогда не занимался практической политологией, а был больше известен как философ-эзотерик, выдвигающий в научных изысканиях тезисы стремления к Абсолюту, соединения религии и науки, а также вознесения правителя-политика на некий элитарный уровень, которого никогда не стоит достигать рядовым гражданам в целях их же собственного и общегосударственного блага. Свои выводы Лео Штраус делал на основании изучения трудов Платона, Макиавелли, Аристотеля и Ксенофонта. Поднимая вслед за древнегреческими философами глобальные вопросы взаимоотношений государства и гражданина, Штраус склонялся к справедливости «добродетельной тирании», в которой тирана чтут и уважают, но не боятся. Лео Штраус допускал возможность «лжи во спасение» со стороны государства по отношению к гражданам, поскольку, с его точки зрения, правители имеют право не сообщать своим гражданам абсолютно всю информацию во избежание излишней политизированности общества и отвлечения населения от их обычных занятий [6].

В трактовке «леоконов», т. е. наиболее верных последователей учений Лео Штрауса, Абсолютом стала либеральная демократия, основанная на законе, которую необходимо было возвеличить, упрочить и распространить везде, даже на иные государства, в целях защиты неких общемировых интересов [7]. Снятие религиозно-научного конфликта также совпадало с устремлениями неоконсерваторов, многие из которых были завербованными троцкистами, боровшимися с коммунистическими идеями. Идея элитарности государственных чиновников привлекала особенно, поскольку наделенный властью тиран, почитаемый толпой, обладает поистине неограниченными возможностями.

Но лучше всего описал неоконсерватизм И. Кристол: «...Историческая задача и политическая цель неоконсерватизма, по-видимому, заключались в превращении Республиканской партии и американского консерватизма в целом, несмотря на сопротивление, в новую разновидность консервативной политики, подходящую для управления современной демократией. В том, что эта новая консервативная политика является отчетливо американской, нет никакого сомнения... *Неоконсерватизм – это первая разновидность американского консерватизма в прошлом столетии, которая обладает «американской косточкой»*. Неоконсерватизм полон надежд, а не скорби, он смотрит в будущее, а не тоскует по прошлому, и настроен он весело, а не мрачно или подавленно» [8].

Неудивительно, что неоконсерватизм – это ярко выраженное американское направление, центральным принципом которого является максимально широкая трактовка национальных интересов США и желание обеспечить защиту этих интересов далеко за пределами собственной страны. Созданный в 1997 г. усилиями неоконсерваторов «Проект за новое американское столетие» (PNAC), который возглавляет сын И. Кристола – Уильям Кристол, поставил перед собой предельно ясную цель: установле-

ние глобального лидерства Соединенных Штатов Америки. Проект, который СМИ называют «имперским», должен, по мнению создателей, стать благом как для США, так и для всего мира.

Тем не менее не каждый приверженец неоконсерватизма готов признать себя «леоконом». Полемика по вопросу идеологии и идеологов неоконсерваторов еще не завершена.

НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НЕОКОНСЕРВАТИЗМА

Анализируя развитие неоконсерватизма, можно отметить значительные изменения, которые претерпели изначальные догмы идеологов с 60-70-х гг. прошлого столетия до наших дней. Более того, американские, европейские и уже оформившиеся славянские направления неоконсерватизма настолько разнородны, что очень сложно определить рубеж, где заканчивается или начинается тот или иной вариант современного консерватизма. Расхождения касаются не столько принципиальных установок неоконов, сколько степени концентрации внимания на тех или иных аспектах. Достаточно сказать, что М. Тэтчер (Великобритания), Р. Рейган (США), Г. Коль (ФРГ) во времена их правления одними политологами назывались новыми «правыми», другими – консерваторами-демократами. Некоторые авторы причисляли М. Тэтчер и Р. Рейгана к консерваторам-радикалистам, а сегодня их причисляют к неоконсерваторам-первопроходцам.

В целом обновленный консерватизм вобрал в себя все, что противостояло левому, т. е. стал некой совокупностью классического консерватизма без крайностей (фашизма, традиционализма и пр.) и либерализма.

Практически неоконсерватизм воспринимался как вариант спасения либерально-демократических ценностей консервативными средствами. Попытки «левых» коалиций во многих государствах Западной Европы решить экономические и культурные проблемы с помощью либеральных мер не привели к их разрешению, а только обострили противоречия. Либеральная демократия стала опасной по отношению к самой себе. Консерваторы считали, что в современных условиях сохранение правового государства во многом зависит от определенного равновесия демократии и государственной силы. То есть государство должно противостоять отдельным социокультурным общественным образованиям, которые потенциально могут быть способны изменять основу сложившегося общественного порядка. Роль государства – в обеспечении традиционных ценностей, поддержке семейственности, религиозных и нравственных начал, культуры и образования.

Вместе с тем неоконсерваторы не предлагали полностью все сломать и построить заново. Идеологи неоконсерватизма выступали за политику малых, но конкретных дел, которые касались непосредственно нужд населения: вопросы жилья, продовольствия, морального климата в семье, проблемы детства, молодежи и др.

В широком смысле исследователи выделяют три основных направления неоконсерватизма.

Во-первых, это либертаризм – политическое течение, в основе которого лежит запрет на применение силы или вероятности применения силы по отношению к другому лицу без какого-либо волеизъявления этого лица. Проблема справедливости и равенства рассматривается через призму свободной конкуренции в условиях рыночной экономики, где рынок обеспечивает каждому индивиду возможность проявить свои способности. Ненарушение прав свободных членов общества устанавливается законодательством, а применение насилия преследуется в судебном порядке. Таким образом, права и свободы граждан защищены законом, в силу чего концепция либертарианства не является этической, хотя и направлена прежде всего на сохранение морально-поведенческих норм индивидов общества.

К представителям неоконсерваторов-либертерианцев также относят М. Фридмана, известного американского ученого-экономиста, который в своих книгах «Капитализм и свобода» и «Свобода выбирать» последовательно доказывал нежелательность государственного вмешательства в свободные экономические отношения индивидов.

Второе направление – этноцентрическое. Одним из наиболее ярких представителей этого направления является А. де Бенуа, который обратился к проблеме культуры и этноса. С точки зрения А. де Бенуа и его идейных соратников, европейская культура должна «вернуться» к своим кельтско-германским корням и отбросить не свойственные ей иудейско-христианские традиции. Приверженцы этого направления боролись за местную духовную автономию, основанную на коллективной идентичности. В подобном проявлении неоконсерватизма отчетливо виден конфликт между модернизацией общества и религией, и в этом принципиальное отличие «нового» консерватизма от «старого». Основные претензии предъявлялись не религии в целом, а христианству, которое, по мнению представителей этноцентрических движений, породило социализм и коммунизм в Европе в XIX-XX вв.

Третье и, вероятно, наиболее четкое направление в неоконсерватизме ближе всего ортодоксальному консерватизму. В его основе – верность традициям и вечным ценностям. В основу так называемого «неотрадиционализма» положены идеи аристократии конца XVIII-начала XIX в.: Э. Берка, Ж. де Местра и А. де Токвиля, выступавших с новаторскими в те времена идеями просвещения. Однако неотрадиционалисты признают, что «каждое новое поколение нуждается в новом понимании консервативного» [5]. Поэтому для анализа общественных проблем они использовали современные достижения антропологии, этологии, системных исследований.

Наконец, существует также экономическая теория неоконсерватиз-

ма, которая не имеет ярко выраженного лидера. Методология подхода базируется на монетаризме, теории рациональных ожиданий, ограничительном отношении к социальной и перераспределительной политике правительства. Другими словами, выдвигается идея саморегулируемого рынка, но без полного изгнания государства из его участников. Эта модель также получила название «сэплайдерской» от английского supply – «предложение». «Сэплайсайдеры» выступают за минимизацию перераспределения социальных льгот, ограничение влияния профсоюзов и выполнение государством лишь двух задач: обеспечения экономического роста и ограничения инфляции.

Модель дискуссионна до сих пор как по своей принадлежности к неоконсерватизму, так и по сути *. М. Фелдстайн, американский неоклассик политэкономии, посредством проведения математико-экономических исследований сделал вывод, что исключение государственных программ социальной поддержки и перераспределения производства в ряде стран может привести к полнейшему экономическому краху, поскольку недопроизводство в мире составляет от 5% в странах Европы до 90% в странах Африки и без регулятора в лице государства обойтись невозможно.

В трактовке и понимании неоконсерватизма автор придерживается основных постулатов, сформулированных в работе Г.К. Кальтенбруннера «Трудный консерватизм» [9]:

«1. Преемственность (верность традициям, создание материальных и духовных условий сохранения духовного наследия и идентичности общества).

2. Стабильность (важнейшее условие сохранения ценностей в обществе все более нарастающих революционных изменений).

3. Порядок (гарант стабильности и преемственности, обеспечивающийся такими общественными институтами, как семья, профессия, право, государство).

4. Государственный авторитет (сила, способная противостоять разрушительному влиянию групповых интересов и проводящая единую политическую линию).

5. Свобода (возможность индивидуальной и общественной инициативы – в рамках “авторитета и порядка”*.

6. Пессимизм (недоверие к планам строительства рая на земле, неверие в абсолютную справедливость и гармонию: “определенная доля пессимизма предохранит от иллюзии о счастье для всех, о достижении такого счастья путем реформ”)».

Партийные объединения неоконсерваторов известны прежде всего по консервативной партии Великобритании, Объединению в поддержку республики (ОПР) во Франции, а также христианско-демократическим партиям в Германии и Швеции. Межпартийные международные организации неоконсерваторов способствуют развитию межгосударственных отношений. Так, например, христианско-демократические партии объединены в ЕСХД (Европейский союз христианских демократов) и ЕФП (Европейская народная партия). В ЕДС (Европейский демократический союз) объединены консервативные, христианско-демократические и неколлективистские партии. Международный демократический союз, созданный в 1983 г., включает европейские партии демократов, а также консерваторов Канады, либерально-демократическую партию Японии, консерваторов Австралии и Новой Зеландии. Как ни парадоксально, но выступавшая в 70-х гг. XX в. главным оппонентом неоконов Республиканская партия США тоже входит в состав Международного демократического союза и играет в нем не последнюю роль.

Итак, современный неоконсерватизм при всем разнообразии его проявлений акцентирует внимание на трех основополагающих началах: развитая экономика, культурная самобытность и степень распространения первого и второго. Все три составляющие должны быть определены либерально-демократической системой координат, где индивид и государство пользуются одинаковым уважением и защитой во всех ее проявлениях.

Нам, как очевидцам происходящего, сложно делать объективные выводы об исторической справедливости текущего момента, тем более что многие идейные начинатели-неоконы сегодня являются весьма известными и влиятельными политиками-практиками. Они последовательно наполняют фактами совершаемых поступков и принимаемых решений неоднозначную теорию неоконсерватизма, которую еще предстоит описать нашим потомкам.

Литература

1. *Irving Kristol.* Reflections of a NeoConservative, Basic Books, New York, 1983.
2. *Достоевский Ф.М.* ПСС т. 10 ч. 1 Дневник писателя за 1876 г. Спб., 1895. С. 219. (Полн. Собр. соч. Т. 10. Ч. 1).
3. *Irving Kristol* (1999). Neoconservatism: The Autobiography of an Idea. Ivan R. Dee. ISBN 1-56663-228-5.
4. Новая философская энциклопедия: под редакцией В.С. Стёпина. В 4 тт. М.: Мысль, 2001.
5. *Гаджиев К.С.* Политическая наука. М.: Международные отношения, 1994. С. 150.
6. *Штраус Л.* Введение в политическую философию. М., 2000; его же «О тирании». СПб, 2006.
7. *Norton A.* Leo Strauss and the Politics of American Empire. New Haven–L., 2004.
8. *Irving Kristol.* The Neoconservative Persuasion. Weekly Standard, 2003 (August 25), Vol. 8, Issue 47.
9. Большая актуальная политическая энциклопедия / Под общ. ред. А. Белякова и О. Матвейчева. М.: Эксмо, 2009.

* М. Фридман, получивший Нобелевскую премию за теорию монетаризма, заявил: «Слово *консерватизм* – это ничего не значащий термин. Я не являюсь и никогда не был консерватором. Я либерал в истинном смысле этого слова, приверженный свободе».